

НАРОДНАЯ ЛИНГВИСТИКА И СОЦИОЛИНГВИСТИКА: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РУССКО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Т. В. БОБКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуются особенности отношения русско- и белорусскоязычных белорусов к тому государственному языку, который не используется ими в интернет-коммуникации (белорусский и русский языки соответственно). Определяются социолингвистические характеристики русского и белорусского языков, которые становятся объектом внимания и осмысления в наивных лингвистических представлениях русско- и белорусскоязычных говорящих. Устанавливается, что отношение к двум языкам белорусского социума выражается как в эксплицитной (метаязыковые высказывания), так и в имплицитной (переключение кодов) форме. И эксплицитные, и имплицитные метаязыковые высказывания имеют как существенные сходства, так и важные различия с точки зрения их количества, тематики и функций. Утверждается, что представления о сосуществовании и конкуренции русского и белорусского языков внутри языковой ситуации Беларуси влияют на речевые практики, а именно обуславливают спектр ситуаций, в которых говорящие обращают внимание на язык, не являющийся предпочитаемым в коммуникации, и определяют содержательные и прагматические характеристики метаязыковых комментариев.

Ключевые слова: метакоммуникация; метаязыковая функция языка; наивная лингвистика; интернет-коммуникация; языковая ситуация.

НАРОДНАЯ ЛІНГВІСТЫКА І САЦЫЯЛІНГВІСТЫКА: УЯЎЛЕННІ АБ МОЎНАЙ СІТУАЦЫІ Ў РУСКА- І БЕЛАРУСКАМОЎНАЙ ІНТЭРНЭТ-КАМУНІКАЦЫІ

Т. В. БАБКО^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Даследуюцца асаблівасці стаўлення руска- і беларускамоўных беларусаў да той дзяржаўнай мовы, якая не выкарыстоўваецца імі ў інтэрнэт-камунікацыі (беларуская і руская мовы адпаведна). Вызначаюцца сацыялінгвістычныя характарыстыкі рускай і беларускай моў, якія становяцца аб'ектам увагі і асэнсавання ў наіўных лінгвістычных уяўленнях руска- і беларускамоўных беларусаў. Устанаўліваецца, што стаўленне да дзвюх моў беларускага соцыуму выражаецца як у экспліцытнай (метамоўныя выказванні), так і ў імпліцытнай (пераключэнне кодаў) форме. І экспліцытныя, і імпліцытныя метамоўныя выказванні маюць як істотныя падобнасці, так і важныя адрозненні з пункту гледжання іх колькасці, тэматыкі і функцый. Высвятляецца, што ўяўленні аб суіснаванні і канкурэнцыі рускай і беларускай моў унутры моўнай сітуацыі Беларусі ўплываюць на маўленчыя практыкі, а менавіта абумоўліваюць спектр сітуацый, у якіх звяртаецца ўвага на тую мову, якой не аддаецца перавага ў камунікацыі, і вызначаюць змястоўныя і прагматычныя характарыстыкі метамоўных каментарыяў.

Ключавыя словы: метакамунікацыя; метамоўная функцыя мовы; наіўная лінгвістыка; інтэрнэт-камунікацыя; моўная сітуацыя.

Образец цитирования:

Бобко ТВ. Народная лингвистика и социолингвистика: представления о языковой ситуации в русско- и белорусскоязычной интернет-коммуникации. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2023;1:59–68. <https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-59-68>

For citation:

Bobko TV. Folk linguistics and sociolinguistics: concepts of the language situation in Russian and Belarusian Internet communication. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2023;1:59–68. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6775-2023-1-59-68>

Автор:

Татьяна Викторовна Бобко – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета.

Author:

Tatyana V. Bobko, PhD (philology), docent; associate professor at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology. tatyana1973@tut.by <https://orcid.org/0000-0002-4763-0515>

FOLK LINGUISTICS AND SOCIOLINGUISTICS: CONCEPTS OF THE LANGUAGE SITUATION IN RUSSIAN AND BELARUSIAN INTERNET COMMUNICATION

T. V. BOBKO^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article discusses the attitude of Russian- and Belarusian-speaking Belarusians to the language of the country that is currently not used by them in Internet communication (Belarusian and Russian languages, respectively). The purpose of the article is to determine those sociolinguistic characteristics of the Russian and Belarusian languages that become the object of attention and comprehension in the naive linguistic ideas of Russian and Belarusian speakers. It was found that the attitude to the two languages of the Belarusian society can be expressed both in explicit metalinguistic statements about these languages, and in an implicit form (by switching codes). Both explicit and implicit metalinguistic statements have both significant similarities and a number of important differences in terms of quantity, subject matter, and functions. The patterns obtained suggest that the ideas about the coexistence and competition of the Russian and Belarusian languages within the language situation in Belarus affect speech practices, determining the range of situations in which speakers pay attention to the language that is not their preferred language of communication, and determining meaningful and pragmatic characteristics of metalinguistic comments.

Keywords: metacommunication; metalanguage function of language; naive linguistics; Internet communication; language situation.

Введение

Анализ мнений носителей языка о языке представляется актуальным как для выяснения скрытых механизмов работы метаязыкового сознания, так и для достижения социолингвистических целей, в частности для теоретического осмысления какой-либо языковой ситуации или решения ряда прикладных задач языковой политики. Например, актуальные проблемы исследований народной лингвистики в социолингвистическом ракурсе рассматриваются в публикации [1]. В современной социолингвистике активно изучаются особенности отношения говорящих к своему языку (диалекту) или к языкам соседних стран [2–7]. Это обусловлено необходимостью решения вопросов нормализации языка, языкового планирования, взаимоотношения языков (диалектов) в многоязычных языковых ситуациях, поскольку метаязыковые представления носителей языка являются одним из факторов воздействия на социокультурную ситуацию в языковом сообществе и основополагающим фактором речевого поведения говорящих [8, с. 15]. По мнению Д. П. Моисеевой, «представления говорящего о своем и чужих языках, их носителях, языковой норме коренным образом влияют на его собственные языковые практики» [9, с. 176]. Отношение говорящих к русскому и белорусскому языкам – значимый аспект изучения языковой ситуации Беларуси. В отечественной лингвистике отношение белорусов к сосуществованию и использованию русского и белорусского языков (а также смешанной речи, трясанки) обсуждалось в публикациях Н. Б. Мечковской [10], Е. В. Ленкевич [11–13] и О. С. Горлицкой [14]. Дискуссии в интернете, триггером которых является использование в публикациях белорусского языка, рассматривались в работах А. А. Сомина [15; 16].

Отношение говорящих к языку может изучаться или с помощью различных методик анкетирования и опроса, или через анализ метаязыковых высказываний (некоторые методики описаны в публикации [17]). Выделяются следующие ракурсы во взглядах говорящих на язык: отношение к статусу и функциям государственного языка (диалекта) и языка соседних стран, отношение к нормативно-стилистической системе языка и отношение к речевым практикам, т. е. к тому, как используется язык в различных ситуациях коммуникации. Все аспекты отношения говорящих к языку интегрируются в наивную мифологию языка: «Каждый пользователь языка имеет определенные представления о языке, его единицах, процессах его использования и изучения, своеобразную “личную теорию” языка. Такая личная теория может найти свое выражение как в явных размышлениях об устройстве и употреблении языка, так и в менее явных мнениях и даже предрассудках. Как и любой другой вид человеческой деятельности, метаязыковая деятельность управляется стереотипами, которые и формируют мифологическую картину жизни языка и жизни в языке» [18, с. 4].

В настоящей статье рассматриваются особенности отношения русско- и белорусскоязычных белорусов к государственному языку, который не используется ими в интернет-коммуникации (белорусский

и русский языки соответственно). Цель исследования заключается в определении социолингвистических характеристик русского и белорусского языков, которые становятся объектом внимания и осмысления в наивных лингвистических представлениях русско- и белорусскоязычных говорящих.

Материал и методы исследования

Метаязыковые высказывания о русском и белорусском языках были собраны на русско- и белорусскоязычных форумах в белорусском интернет-пространстве (*onliner.by, diva.by, semeistvo.by, second.by, dzietki.org, by-svet.com*). В выборку не были включены общественно-политические и лингвистические дискуссии, поскольку в подобных обсуждениях триггер (стимул) метаязыковой рефлексии задается их темой. Представляется важным рассмотреть именно те метаязыковые высказывания, которые имеют спонтанный характер и порождаются в ходе обсуждения вопросов, не затрагивающих языковую ситуацию или языковую норму. Это достаточно широкий круг бытовых или общественных дел, связанных с разными аспектами повседневной жизни. Такие неподготовленные метаязыковые высказывания позволяют проследить стимулы метаязыковой рефлексии, которые возникают в процессе обыденного общения, и выявить наивные представления коммуникантов о бытовании и сосуществовании двух языков. Кроме того, подобные высказывания дают более достоверную картину метаязыковых представлений говорящих, чем дискуссии на лингвистическую или социолингвистическую тему [15].

Из обсуждений русскоязычных пользователей были извлечены 318 одиночных метаязыковых реплик и 130 метаязыковых дискуссий, содержащих несколько реплик подряд (к метаязыковым относятся дискуссии, триггером которых служит метаязыковая реплика). Из обсуждений белорусскоязычных пользователей были извлечены 176 одиночных метаязыковых реплик и 128 метаязыковых дискуссий. С помощью методов дискурс-анализа и контент-анализа были выделены метаязыковые высказывания белорусскоязычных пользователей о русском языке и русскоязычных пользователей о белорусском языке. При анализе учитывались также метаязыковые комментарии с межфразовым и внутрифразовым переключением кодов (с включением единиц русского языка в белорусскоязычный комментарий и с включением единиц белорусского языка в русскоязычный комментарий). Метаязыковая функция таких высказываний имеет имплицитный характер, но при этом служит любопытным объектом социолингвистических и лингвокультурных интерпретаций.

Результаты и их обсуждение

Анализ метаязыковых высказываний русскоязычных говорящих о белорусском языке и белорусскоязычных говорящих о русском языке (эксплицитная форма выражения отношения к языку) показал несимметричность таких комментариев как в количественном, так и в тематическом плане. Во-первых, белорусскоязычные коммуниканты значительно чаще говорят о русском языке, чем русскоязычные коммуниканты – о белорусском языке. Во-вторых, тематика белорусскоязычных комментариев является более разнообразной, чем тематика русскоязычных комментариев. При наличии совпадающих тем имеются специфические для белорусскоязычных пользователей вопросы, которые не находятся в фокусе внимания русскоязычных пользователей.

Совпадающими темами русско- и белорусскоязычных комментариев являются социолингвистические характеристики (статус и функции) обоих языков белорусского социума и особенности переключения языковых кодов в процессе общения.

Белорусскоязычные собеседники обсуждают статус и функции сосуществующих в Беларуси языков намного чаще, чем русскоязычные собеседники. Так, были зафиксированы только единичные случаи упоминания русскоязычными говорящими белорусского языка как одного из языков белорусского социума (1).

(1) – *Вы меня простите, но когда человек с высшим образованием говорит о том, что ему не нужна ИСТОРИЯ и ГОСУДАРСТВЕННЫЙ язык страны¹... Без комментариев, как говорится. А потом мы удивляемся, что нас не уважают как нацию.*

– *Вот вы про языки. А на каком языке вы общаетесь? Вот когда вы начнете общаться на бел. мове, тогда будете иметь полное право осуждать тех, кто не желает изучать свой родной язык. Сколько % населения говорит на белорусском? а сколько на нормальном русском?²*

В то же время для белорусскоязычных пользователей обсуждение статуса русского языка по сравнению со статусом белорусского языка является достаточно типичным (2).

¹Полужирный курсив в цитатах наш. – Т. Б.

²Здесь и далее примеры приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.

(2) – *Справа ў тым, што расейская (да, мне так больш падабаецца) мова – хочам мы ці не – шмат для каго больш зручны сродак камунікацыі. І для мяне ў тым ліку, на жаль.*

– *Узьнікла пытаньне. А калі ў цябе будзе выбар, абраць картку з беларускамоўным інтэрфейсам сайта, але ёй можна рабіць толькі інтэрнэт-плацяжы кшталту камунальных і аплаты гурткоў, квіткоў у тэатр і т. п. і картку, якая прапановуе шырокія магчымасьці карыстаньня ёй у інтэрнэце, але інтэрфейс – рускі, ты якую абярэш?*

– *Крыху тут разам пабалбочам, і неякі муж не страшны будзе са сваёю расейскаю.*

Приведенные примеры иллюстрируют сходство русского и белорусского языков в тех аспектах их социального бытования, на которые обращают внимание русско- и белорусскоязычные пользователи. При обсуждении выбора языка для общения русскоязычные коммуниканты часто приводят в качестве аргумента одновременно этноконсолидирующую функцию белорусского языка и его недостаточную демографическую мощность по сравнению с русским языком. В фокусе внимания белорусскоязычных коммуникантов находится бо́льшая коммуникативная мощность русского языка, и, как следствие, вопрос о выборе белорусского языка в качестве основного средства общения связан у них с такими проблемами, как необходимость поиска компетентного языкового окружения и недостаточное количество современных белорусскоязычных сервисов.

Вопрос о том, какие функции выполняет русский язык по сравнению с белорусским языком, обуславливает акцентирование коммуникантами внимания на этноконсолидирующей и символической функциях белорусского языка (3).

(3) – *Але з іншага боку. Камунікатыўную функцыю ў нашай краіне, з вашых жа словаў, выконвае мова руская. Вам яе недастаткова для камунікацыі? Ёсць хоць адзін чалавек у гэтай краіне, які не разумее па-руску? На што ж вы тады і самі беларускай размаўляеце і дзяцей вучыце? Хіба не таму толькі, што гэта мова НАША, нацыянальная, нашае культурнае багацце, якое мы не хочам страціць? Хіба ў нашым выпадку якраз апошняе роля, роля нацыянальна-культурная не выходзіць на першы план?*

– *Я згодна з нацыянальна-культурнай роляй мовы. І з тым, што толькі праз мову мы зможам захаваць сябе як народ. Што мова звязвае нас з нашым мінулым.*

Таким образом, социолингвистические обсуждения русского и белорусского языков имеют симметричный характер и показывают, что русско- и белорусскоязычные коммуниканты отчетливо ощущают разницу в функционировании языков и опираются на одинаковые аргументы в дискуссиях о выборе языка как в виртуальном, так и в реальном общении.

Второй совпадающий аспект в обсуждении русского и белорусского языков, который касается переключения языковых кодов, имеет больше различий, чем сходств. Русскоязычные коммуниканты комментируют смену языка общения в актуальной беседе, при этом в русскоязычных дискуссиях это самая частая ситуация, когда в фокус внимания говорящих попадает белорусский язык (4–5).

(4) – *Ой, а чого все перешли на родную мову?*

– *Гэта змова))))*

(5) – *Чегой то ты на бел. мову перешла?*

– *А я проста адказваю на мове суразмоўцы.*

Для белорусскоязычных говорящих вопрос о переключении кодов не связан с текущим диалогом. Помимо прочего, это обусловлено тем, что в русскоязычных дискуссиях реплики на белорусском языке являются нечастотными, но вполне возможными, тогда как случай употребления в белорусскоязычной дискуссии реплики на русском языке был зафиксирован только один раз. Вопрос о переключении кодов касается языковой ситуации в целом, при этом говорящие выделяют различные причины выбора языка коммуникации (от ощущения личного комфорта или дискомфорта до предпочтения кооперативного или некооперативного стиля взаимодействия) (6–7).

(6) – *Дый у паўсядзённым жыцці... Ну прыкладам, аддаю перавагу таму, каб на сходах бацькоўскіх маўчаць. Па-расейску не хочацца, па-беларуску напружвае. Прычым абодва бакі. Мяне – увага, там – разуменне...*

– *Мае спакойна ставяцца да маёй мовы, але з імі я гавару па-расейску.*

– *А мае нібыта рускамоўныя знаёмыя раптам пераходзяць на беларускую... і незнаёмыя.*

(7) – *Я ўжо не кажу пра фразы: давай кажы па-расейску...*

– *Калі гэта сказана без агрэсіі, я спакойна пераходжу на расейскую.*

– *Я не бачу сэнсу пераходзіць на расейскую па першай просьбе. На беларускую ў адказ мне ніхто не пераходзіць. Так што... парытэт.*

Любопытно, что в ситуации переключения кодов русскоязычные говорящие независимо от основного языка дискуссии имеют потребность извиниться за недостаточное знание белорусского языка или по крайней мере сослаться на недостаточный уровень владения им (8–9).

(8) – **Я как раз хотела извиниться, что отвечаю на русском.** К сожалению, не владею так хорошо родной мовой.

(9) – В этой теме можно только на белорусском писать?

– Усё ж адкажу. Але пытаньнем на пытаньне. У нас 2 дзяржаўныя мовы, хіба не?

– **Я пока что вспомнила только «прабачце»!** Читать стало немного тяжелее, прям глаза ломаются с непривычки.

Следует упомянуть, что ни в одном случае переключение кодов не стало конфликтогенным: говорящие продолжают общение на удобном для себя языке. Это может свидетельствовать как о вполне очевидном отсутствии проблемы понимания собеседника, так и об избегании конфликтов в текущем диалоге и стремлении не отвлекаться от темы обсуждения, чтобы не нарушать правила ведения дискуссии на форуме.

Только для белорусскоязычного общения характерно обращение к проблеме смешения языковых кодов у билингвов (10).

(10) – У мяне просьба: хто ведае мову добра – напраўляйце. Я загадзя ўдзячна. Ну не ў нескладовае, гэта бывае высоккае як памылка друку, **а рускія словы... яны ж прабіваюцца праз жадаанне сказаць на-беларуску.**

– Дзяўчаты, дарэчы, **акрамя расейскіх словаў** я б была ўдзячная і за выпраўленні кшталту гэтага. (Хаця я не выпраўляла – прапанавала.) Каб мова натуральна была.

– І сама адчуваю, што **на-беларуску не атрымаецца ў мяне сказаць тое, што на-руску.** Нешта не так перакладзецца (з рускай, на якой думаю), нешта страціцца, нешта інакш прагучыць.

– А наогул, так, праблема, **аўтаматычна расейскія словы перакладаюцца ў галаве.** Хаця ўнутранае ўражанне, што адразу на-беларуску пішаеш...

Основными проблемами говорящие считают автоматизм в употреблении более привычных единиц русского языка и недостаточный словарный запас. Коммуниканты оперируют понятием «перевод», проясняя тем самым разницу между языком внутренней и внешней речи и эксплицируя процесс порождения высказывания. В русскоязычной среде при порождении речи билингвами вопрос о смешении кодов не поднимается, но возникает проблема понимания собеседника, выбирающего для коммуникации на форуме белорусский язык (11).

(11) – Слушай, **вот тебя же не все понимают, когда ты пишешь по-белорусски, но ты вот так пишешь и тебе это кажется «простой, доступной чалавечай мовой», а мне кажутся «простыми и доступными» те выражения, которые я употребляю.**

В ситуации переключения кодов белорусскоязычные говорящие тоже обсуждают проблему понимания собеседника. Однако любопытное различие русскоязычных и белорусскоязычных диалогов заключается в том, что в первом случае акцентируется непонимание собеседниками друг друга, а во втором случае, напротив, понимание (12).

(12) – **Адкажу так, калі няма ніякіх «цалкам сабе беларускіх словаў», то тыя, хто рускую мову ведае не як замежную, разумеюць. Не ведаюць, а менавіта разумеюць.**

Следует обратиться к тем аспектам социальной жизни обоих языков, которые возникают только в русскоязычных или только в белорусскоязычных диалогах. Исключительно в русскоязычной коммуникации были зафиксированы единичные примеры, в которых содержится оценка белорусского языка в ситуации обсуждения выбора языка школьного экзамена. Так, русский язык воспринимается коммуникантами как более сложный по сравнению с белорусским языком, видимо, из-за различия в орфографических принципах (13).

(13) – **Нам очень нравится белорусский язык, и ничего сложного мы в нем не видим. И кто вам сказал, что он никому не нужен? Баллы подпортит? Так учить правила нужно и уметь их применять. Диктанты – простые!**

Темы белорусскоязычных дискуссий являются более разнообразными. В разговорах затрагиваются те вопросы, которые вообще не попадают в фокус внимания русскоязычных собеседников (нормативно-стилистическая характеристика речи на обоих языках, сравнение систем двух языков, выбор правильного варианта белорусскоязычного названия русского языка).

При обсуждении правильности речи говорящие упоминают нормы русского языка для сопоставления их с нормами белорусского языка (14–15).

(14) – *Хаця, шчыра кажучы, палова форума ўвогуле не ведае не толькі беларускай, але і расейскай мовы.*

(15) – *Ты ўжо не «неафіт».*

– *Не неафіты выключна літаратурная мовай выказваюцца? І па-руску таксама? З чаго ж стандарты-та падвойныя?*

– *Ай, ну што ты чапляешся? Я пра тое, што пачаткоўцаў можна напужаць выпраўленнямі, а цябе – наўрад ці.*

Кроме того, при обсуждении лексических норм белорусской речи достаточно часто говорящие апеллируют к присутствию в коммуникативном пространстве русского языка, который служит как бы точкой отсчета для языкового чувства, при этом совпадение или сходство языковых единиц воспринимается ими как примета смешанной речи и вызывает скорее негативную реакцию (16–17).

(16) – *Я, прыкладам, свае асабістыя пачуцці агучала наконт гэтага слова, мне яно нейкае **трасянкавае**, таму і не падабаецца.*

– *Гэтае адчуванне выключна з прысутнасцю побач расейскай мовы звязанае.*

(17) – *З вучоным «Ч» бянтэжыць, і амаль поўная сугучнасць з расейскім словам. У іх рэч. Бо вучыцца, навучанне – цалкам сабе беларускія словы. І ў навучанні, пагадзіся, **трасянка** ўжо зусім не чуецца, праўда?*

Любопытно, что при обсуждении заимствований и характера их влияния на чистоту языка сходство русских и белорусских слов не воспринимается негативно, скорее наоборот (18).

(18) – *Дарэчы вось хацела спытацца, чаму ровар? Прынамсі я ведаю што ў мове не існуе свайго слова для гэтага транспарту, але калі браць запазычанае, то **лепш рускае, чым польскае**.*

Такие комментарии дают любопытный материал для интерпретации: при сопоставлении слов, сходных по звучанию в обоих языках, говорящие опасаются размывания норм литературного языка узусом смешанной речи, а при выборе из двух заимствований приоритет отдают слову из близкородственного русского языка. Возможная причина этого заключается в том, что в первом случае говорящие осознают скорее сходство языковых форм, а во втором случае – их различие.

Чаще всего апелляция к русскому языку используется при обсуждении выбора той или иной лексической единицы, при этом единицы русского языка могут выступать в качестве примера (19).

(19) – *Слова **хацім** у бел. мове няма. Ну няма. Проста няма. Роўна, як няма «**хочем**» у расейскай.*

Как правило, единицы русского языка приводятся для толкования значения слова при выборе одного из нескольких вариантов. В таких случаях говорящий опирается на эквивалентность или неэквивалентность перевода (20).

(20) – *Хацела сказаць... спадзяюся, зразумееш правільна, а не як жаданне павучыць. Проста не праходзіцца міма мне. «Дзеля» збольшага адпавядае рускаму «раді».*

– *Выбачайце, але тут лепш сказаць «незвычайна», бо невыразна двухсэнсоўнасць у змест уводзіць. Гэта не ёсць адпаведнікам расейскаму «невыразимо» у даным кантэксте.*

В целом в белорусскоязычных диалогах сопоставление словарного состава двух языков и поиск сходств и различий являются насущными и часто обсуждаемыми вопросами (21).

(21) – *Не трэба моўнага пурызму, тое, што слова гучыць так жа, як у расейскай, не робіць яго менш беларускім. Цана – гэта price, кошт – гэта cost. Чым больш словаў, якія адрозніваюцца стылістычна, сферай прымянення, тым мова багацейшая.*

– *Але калі «Грэйзаць» няма ў слоўніку мабыць гэта не адзначае, што слова не беларускае. Не рускае ж між іншым.*

Для русскоязычной коммуникации этот вопрос в принципе не актуален, поскольку белорусский язык не является точкой отсчета для говорящих по-русски белорусов. Однако были зафиксированы единичные примеры, связанные с оценкой тех или иных единиц русского языка, когда именно сходство или совпадение звуковой формы единиц двух языков выступает для говорящего основным критерием оценки (22).

(22) – Как мне омерзительно слово «лялька» почему-то...

– И мне, причем я знаю почему. *Лялька – по-белорусски кукла, т. е. ребенок = кукла. Ляльками называют обычно мамы, которые детей потом за руки дергают так, что я удивляюсь, как из плечевого сустава рука не выскакивает.*

Только в белорусскоязычных диалогах активно обсуждается правильный вариант белорусскоязычного названия русского языка (*рускі, расейскі, расійскі*). Следует отметить, что русскоязычные коммуниканты обсуждают правильное название страны (*Беларусь, Белоруссия*) и правописание слов *белорус, белорусский*. Эта проблема не раз становилась предметом внимания лингвистов (например, в публикации [19]), но она выходит за рамки данной статьи, поскольку такие комментарии непосредственно не связаны с отношением говорящих к языку.

В комментариях спектр эмоциональных реакций собеседников по поводу правильного варианта белорусскоязычного названия русского языка варьируется от нейтральной констатации факта до негативной оценки лексемы *расейскі* (23).

(23) – *Прабачце, вядома, але тэрміна «расейская мова» не існуе, мне здаецца. Ёсць руская мова. Ёсць мовы іншых народаў Расіі, бо гэта шматнацыянальная дзяржава. Дзяржаўная мова ў Расіі – руская, але не расейская. Прабачце яшчэ раз. Але вы самі прасілі звяртаць увагу на памылкі.*

– Але мне – асабіста мне – **выраз «расейскага мовы» не падабаецца, я нейкую нядобразычлівасць ў ім адчуваю.**

В диалоге отношение говорящих к употреблению того или иного варианта названия русского языка также может быть подчеркнуто нейтральным или, напротив, вызывать явную реакцию (от иронии до резкой негативной оценки) (24–26).

(24) – *Што наконт рускай/расейскай – я таксама прытрымліваюся назвы руская (таму што лічу, што гэта назва мовы павінна быць, а не краіны), але не спрачаюся з тымі, хто гаворыць «расейская». Мне гэта не замінае.*

(25) – *Я вось па-расейску размаўляю і мяне гэта не бянтэжыць.*

– **Можна яшчэ па-германскі пагаварыць альбо па-амерыканскі ці па-канадскі.**

– *Можна. Кожны размаўляе, як яму падабаецца.*

(26) – *Калі Вам не цяжка, не ўжывайце, клск, такі выраз. Проста вочы рэжа. Вы ж па-расейску не кажаце гаворыць на языке?*

– *А мне гэта рэжа. Я руская і гавару па-руску.*

Наконец, только в белорусскоязычных диалогах встречается сравнение языков как в близком к научному знанию сопоставительном аспекте, так и в чисто бытовом эмоционально-оценочном смысле (27).

(27) – *Давялося яшчэ, будучы ў адной з славянскіх краін, размаўляць. Бо беларуская значна бліжэй да іншых славянскіх моваў, ІМХО, як расейская. Мяне разумелі без праблемаў наогул.*

– *Мне цяжка, мяне пакрыўдзілі, я прачытала чарговае: беларуская грубая нейкая мова, а расейская – гэта да-а-а-а.*

Таким образом, русско- и белорусскоязычные комментарии о белорусском и русском языках соответственно различаются не только тематикой и активностью обсуждений, но и характером эмоционально-оценочных реакций по поводу тех или иных единиц, а также особенностей социальных проявлений языка.

Стоит рассмотреть русско- и белорусскоязычные комментарии, которые содержат включения на белорусском и русском языках соответственно (имплицитная форма выражения отношения к языку). Функции таких включений являются частично несимметричными и представляют собой любопытный материал для прагматической интерпретации [12; 13; 20].

В русскоязычных метаязыковых комментариях переключение кодов используется для демонстрации национальной или культурной идентичности, а также для создания эффекта дистанцирования автора сообщения от сообщаемого. В первом случае говорящие используют прецедентные тексты (*На NRM я раньше постоянно ходил. Сейчас не хожу, Пята Павлова не люблю. Няма таго, што раней было..., Ешце по поводу белорусских товаров. Я ничего не нашла вообще. Вот и купляй беларускае...*) и единицы белорусского языка, которые часто встречаются в речи русскоязычных белорусов и служат своеобразным этнокультурным маркером (*знянацку, шильда, шуфлядка*). Такое включение может выделяться как вычками (*5 баллов!!! Это тоже в коллекцию «хитриков» надо добавить*), сопровождаться шутливым переводческим комментарием (*У меня просто в комодке выделена одна большая шуфлядка (белорусский*

ящик)) или никак не маркироваться (*А такое посещение должно согласовываться с родителями? Или могут знянацку нагряться?*). В свою очередь, во втором случае говорящий имитирует типичную (в его понимании) речь носителя трасянки: *Беларус будет всей семьей у теици в комнатке ютиться, зато из штанов вылезет, но аудзюшачку пасвяжэя возьме, бо не дай бог у саседа круча будзе*. Такая вставка может заключаться в кавычки (*В этой стране универсал особенно популярен, «а удруг халадзильник перавязци»*), впрочем, за 2–3 года владения авто возить холодильники как-то нет нужды) или оформляться как прямая речь (*А он стука по стальному крылу, говорит гэта ж пластик уродзе...*). Функция подобных включений состоит в том, чтобы создать речевой портрет и сделать акцент на определенных чертах характера персонажа. В таких сообщениях, как правило, есть явный иронический подтекст или отрицательная оценка (*Добавлю еще одну категорию – объявления колхозника, ценник анрил, мало что фотку повернуть не умеет, так исчо и «без лятых дзискау дзяшзуле!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!»*). В приведенном примере содержится прямое указание на то, что говорящий имитирует нелитературную, слишком эмоциональную речь «колхозника», употребляя это слово в переносном и сниженном значении.

В белорусскоязычных метаязыковых комментариях включения на русском языке способствуют проявлению национальной или культурной идентичности, а также используются тогда, когда говорящий не находит нужного белорусского слова (выражения) или считает русский эквивалент более подходящим. В первом случае включения выступают в качестве прецедентных текстов. Они могут выделяться кавычками (*Але у мяне такая праблема: рукі «не тем концом», а ў крамах... ну самі ведаеце*) или никак не маркироваться (*Шчыра кажучы, я таксама была крыху шакаваная. А гэта, значыць, такі прыёмю... Семен Семеныч!*). Во втором случае включения могут сопровождаться своеобразным переводческим (*А можа вуснамі дзіцяці глаголет ісціна – не пераклала, дапамажыце, калі ласка, хто здольны, Я пра тое, што я баюся напалохаць (лепей «вспугнуть», не ведаю адпаведніка беларускага)*) или метаязыковым («Загоняюсь» занадта часта на дробязях... *Дарэчы, хто ведае беларускі аналаг слэнгавага «загоняться»???*) комментарием или заключаться в кавычки (*Але ж спадабалася табе гэтае «словечко»*). Любопытно, что русское включение в белорусскоязычном тексте, в отличие от белорусского включения в русскоязычном тексте, всегда берется в кавычки или имеет метаязыковой комментарий. По-видимому, белорусскоязычные коммуниканты в большей мере, чем русскоязычные коммуниканты, ощущают (или, возможно, демонстрируют) инородность таких включений.

Включения в целях демонстрации национальной или культурной идентичности одинаково используются в русско- и белорусскоязычных метаязыковых комментариях и указывают на культурную общность белорусского социума. Как известно, парольная функция является одной из основных функций прецедентных текстов [21, с. 85]. Однако следует отметить, что белорусскоязычные коммуниканты используют такие включения чаще и разнообразнее, чем русскоязычные коммуниканты, вероятно, в силу речевых привычек или для создания эффекта выразительности.

Остальные виды включений имеют существенные различия. Для белорусскоязычной коммуникации несвойственно включение для создания эффекта дистанцирования единиц русского языка или смешанной речи, которая оценивается как нарушающая чистоту литературного языка, особенно в среде неопитов. Любопытно, что, отказываясь от имитации смешанной речи, белорусскоязычные коммуниканты свободно используют просторечные или жаргонные единицы русского языка (*халтурка, засада, загоняться* и т. п.), возможно, ради создания эффекта непринужденной, спонтанной речи или в силу речевых привычек. В русскоязычной коммуникации не используются включения с переводческим комментарием, когда говорящий не может подобрать нужное слово (выражение) и заменяет его более привычным или надежным. Как уже говорилось, по вполне очевидным причинам русскоязычные коммуниканты не опираются на белорусский язык при порождении высказывания, следовательно, не имеют нужды в подобных включениях. Важное различие заключается в том, что включение единиц белорусского языка в русскоязычный текст может сопровождаться прямым указанием на переключение языковых кодов, что не встречается при включении единиц русского языка в белорусскоязычный текст: *Аааа... наконце-то знаменательное белорусское «як бы хужей не было»*.

Таким образом, сходство переключения кодов в русско- и белорусскоязычных комментариях заключается в том, что подобные включения демонстрируют национальную или культурную идентичность говорящих, а различия состоят в их прагматической нагруженности и средствах языкового воплощения.

Заключение

Отношение русско- и белорусскоязычных говорящих к двум языкам белорусского социума выражается как в эксплицитной (метаязыковые высказывания), так и в имплицитной (межфразовое или внутрифразовое переключение кодов, выполняющее метаязыковую функцию) форме. Особый интерес представляют высказывания, выражающие отношение говорящего к тому языку (русскому или белорусскому), который не используется им в текущей коммуникации (белорусскоязычной или русскоязычной).

соответственно). Такие высказывания, возникающие в процессе спонтанного общения на повседневные темы, позволяют выявить наивные лингвистические представления говорящих о сосуществующих в коммуникативном пространстве Беларуси языках.

Анализ материала исследования показал, что и эксплицитные, и имплицитные метаязыковые высказывания имеют как существенные сходства, так и важные различия с точки зрения их количества, тематики и функций. Сходства проявляются в акцентировании разных функций (коммуникативной и символической) двух языков, проявлении интереса к переключениям языкового кода в коммуникации, а также в использовании иноязычных включений для демонстрации национальной или культурной идентичности. В то же время метаязыковые высказывания белорусскоязычных пользователей, в которых выражается отношение к русскому языку, отличаются большим разнообразием в тематическом плане, чем метаязыковые высказывания русскоязычных пользователей, в которых выражается отношение к белорусскому языку, и чаще встречаются в диалогах. Это говорит об активном интересе к русскому языку, который служит точкой опоры при сопоставлении или противопоставлении как функций, так и нормативно-стилистического уклада русского и белорусского языков. У русскоязычных пользователей, напротив, внимание к белорусскому языку является в основном ситуативным, т. е. связанным с актуальным развитием диалога. Иноязычные включения также показывают разницу в отношении говорящих к русскому и белорусскому языкам: в русскоязычных комментариях они используются в целях дистанцирования и создания речевой характеристики, обычно негативной, а в белорусскоязычных комментариях — для поиска переводного эквивалента.

Данные закономерности говорят о том, что представления говорящих о сосуществовании и конкуренции русского и белорусского языков внутри языковой ситуации Беларуси влияют на речевые практики, а именно обуславливают спектр ситуаций, в которых говорящие обращают внимание на язык, не являющийся предпочитаемым в коммуникации, и определяют содержательные и прагматические характеристики метаязыковых комментариев.

Библиографические ссылки

1. Головкин ЕВ, редактор. «Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык. Материалы Международной научной конференции; 19–21 ноября 2012 г.; Санкт-Петербург, Россия. Санкт-Петербург: Нестор-история; 2012. 100 с.
2. Александров ОА, Андреева ОА. Моделирование социолингвистической ситуации «малого» языка по данным обыденного метаязыкового сознания. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014;4(3):16–19.
3. Вио А, Москвичева СА. Проблема репрезентации языка в сознании его носителей в условиях языкового приграничья: к вопросу о потребности в карельском языке. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2013;1:92–97.
4. Голев НД. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства. *Вестник Томского государственного университета*. 2008;3:5–17.
5. Невежина ЕА. Лингвистическая уверенность / неуверенность в пограничном ареале (на примере Валлонии, Бельгия). *Вестник Бурятского государственного университета*. 2015;11:51–55.
6. Разумова ЛВ, Кряжева Н. О роли языка в процессе социокультурной идентификации говорящего. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010;34:99–104.
7. Фавро Э. Отношение говорящих к языку: генераторы социолингвистических изменений или их зеркала? (Случай французского). Блюмбаум А, переводчик. *Антропологический форум*. 2014;21:129–136.
8. Головкин ЕВ. Народная лингвистика как объект исследования. *Антропологический форум*. 2014;21:9–16.
9. Моисеева ДП. Эпидемиологический дискурс в преподавании французского языка как иностранного: опыт одного пособия. В: Робустова ВВ, редактор. *Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Выпуск 2*. Москва: Добросвет; 2018. с. 176–178.
10. Мячкоўская НБ. Народная лінгвістыка ў беларускім інтэрнеце: метамоўная рэфлексія і моўнае самавызначэнне. У: Запрудскі СМ, Цыхун ГА, рэдактары. *Новае слова ў мовазнаўстве. Матэрыялы V Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Новае слова ў беларусістыцы»*; 20–21 мая 2010 г.; Мінск, Беларусь. Мінск: Чатыры чверці; 2012. с. 260–272.
11. Лянкевіч АУ. Стаўленне да беларускай мовы ў інтэрнэт-камунікатыі (на матэрыяле дыскурсу-аналізу каментарыяў на інтэрнэт-форумах). *Acta Albaruthenica*. 2013;13:145–159.
12. Лянкевіч АУ. Стаўленне да беларускай літаратурнай мовы і змешанага маўлення ў медыя-дыскурсе (на матэрыялах публікацый у газеце «Звязда»). *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2011;3:34–38.
13. Лянкевіч АУ. Стаўленне да беларускай мовы і змешанага маўлення. Адрозненні і падабенствы. У: Запрудскі СМ, Цыхун ГА, рэдактары. *Новае слова ў мовазнаўстве. Матэрыялы V Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Новае слова ў беларусістыцы»*; 20–21 мая 2010 г.; Мінск, Беларусь. Мінск: Чатыры чверці; 2012. с. 240–246.
14. Горицкая ОС. *Язык и границы: лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2021. 300 с.
15. Сомин АА. Языковая рефлексия в современной Беларуси сквозь призму комментариев в интернет-СМИ. *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. Востоковедение*. 2015;1:68–92. 2015.
16. Сомин АА. Метамоўная рэфлексія ў каментарыях да беларускамоўных навін не сацыялінгвістычнай тэматыкі. В: Русак ВП, рэдактар. *Беларуская мова ў XXI стагоддзі: асноўныя тэндэнцыі развіцця (да 80-годдзя акадэміка А. І. Падлужнага)*. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 28–29 кастрычніка 2015 г.; Мінск, Беларусь. Мінск: Права і эканоміка; 2015. с. 290–298.
17. Гаврилова КА. Конференция «“Народная лингвистика”» – взгляд носителей языка на язык». *Антропологический форум*. 2013;18:423–443.

18. Кашкин ВБ. Бытовая философия языка и языковые контрасты. В: Кашкин ВБ, редактор. *Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 3. Аспекты метакommunikативной деятельности*. Воронеж: Воронежский государственный технический университет; 2002. с. 4–34.
19. Горицкая ОС. Конкуренция графических вариантов в интернете (на примере написаний белорусский, беларусский, беларуский). *Вестник МГЛУ. Серия 1: Филология*. 2014;5:106–114.
20. Запрудски СН. Маўленчая акамадацыя і пераклучэнне кодаў у працэсе міжкультурнай камунікацыі: выпадак Беларусі. In: Hentschel G, Zaprudski S, editors. *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorisation (Studia Slavica Oldenburgensia–17)*. Oldenburg: BIS-Verlag; 2008. p. 57–97.
21. Слышкин ГГ. *Лингвокультурные концепты прецедентных текстов*. Москва: Academia; 2000. 139 с.

References

1. Golovko EV, editor. «Narodnaya lingvistika»: vzglyad nositelei yazyka na yazyk. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 19–21 noyabrya 2012 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [«Folk linguistics»: a native speaker's view of the language. Proceedings of the International scientific conference; 2012 November 19–21; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Nestor-istoriya; 2012. 100 p. Russian.
2. Aleksandrov OA, Andreeva OA. Modelling of sociolinguistic situation of «minor» language according to data of ordinary metalinguistic consciousness. *Philology. Theory & Practice*. 2014;4(3):16–19. Russian.
3. Vio A, Moskvicheva SA. Problem of language representation in native speaker's mind in context of language border zone: studying need in Karelian language. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2013;1:92–97. Russian.
4. Golev ND. [Features of modern everyday metalinguistic consciousness in the mirror of the discussion of issues of language construction]. *Tomsk State University Journal*. 2008;3:5–17. Russian.
5. Nevezhina EA. Linguistic security / insecurity in the boundary area (by the example of Wallonia, Belgium). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015;11:51–55. Russian.
6. Razumova LV, Kryazheva N. [On the role of language in the process of socio-cultural identification of the speaker]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2010;34:99–104. Russian.
7. Favro E. [Speakers' attitudes to language: generators of sociolinguistic changes or their mirrors? (The case of French)]. Blyumbaum A, translator. *Forum for Anthropology and Culture*. 2014;21:129–136. Russian.
8. Golovko EV. [Folk linguistics as an object of study]. *Forum for Anthropology and Culture*. 2014;21:9–16. Russian.
9. Moiseeva DP. [Epilinguistic discourse in teaching French as a foreign language: the experience of one manual]. In: Robustova VV, editor. *Yazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya: sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 2* [Language. Culture. Translation. Communication: a collection of scientific papers. Issue 2]. Moscow: Dobrosvet; 2018. p. 176–178. Russian.
10. Mjachkowskaja NB. [Folk linguistics in the Belarusian Internet: metalanguage reflection and linguistic self-determination]. In: Zaprudski SM, Cyhun GA, editors. *Novae slova w movaznawstve. Matjeryjaly V Mizhnarodnaga kangrjesa belarusistaw «Novae slova w belarusistycy»; 20–21 maja 2010 g.; Minsk, Belarus* [A new word in linguistics. Proceedings of the 5th International congress of Belarusianists «New word in Belarusian studies»; 2010 May 20–21; Minsk, Belarus]. Minsk: Four quarters; 2012. p. 260–272. Belarusian.
11. Ljankevich AU. [Attitudes toward the Belarusian language (based on discourse analysis of comments on Internet forums)]. *Acta Albaruthenica*. 2013;13:145–159. Belarusian.
12. Ljankevich AU. [Attitude towards the Belarusian literary language and mixed speech in the media discourse (on the materials of publications in the newspaper «Zvyazda»)]. *Vesnik BDU. Serija 4: Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2011;3:34–38. Belarusian.
13. Ljankevich AU. [Attitude towards the Belarusian language and mixed speech. Differences and similarities]. In: Zaprudski SM, Cyhun GA, editors. *Novae slova w movaznawstve. Matjeryjaly V Mizhnarodnaga kangrjesa belarusistaw «Novae slova w belarusistycy»; 20–21 maja 2010 g.; Minsk, Belarus* [A new word in linguistics. Proceedings of the 5th International congress of Belarusianists «New word in Belarusian studies»; 2010 May 20–21; Minsk, Belarus]. Minsk: Four quarters; 2012. p. 240–246. Belarusian.
14. Goritskaya OS. *Yazyk i granitsy: leksicheskaya i grammaticheskaya spetsyfika russkogo yazyka v Belarusi* [Language and borders: lexical and grammatical specificity of the Russian language in Belarus]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2021. 300 p. Russian.
15. Somin AA. Attitudes to the Belarusian language through the prism of comments in the online media. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 2015;1:68–92. Russian.
16. Somin AA. [Metalanguage reflection in comments to Belarusian-language news on non-sociolinguistic topics]. In: Rusak VP, editor. *Belaruskaja mova w XXI stagoddzi: asnownyja tjendjency razviccja (da 80-goddzja akadjemika A. I. Padluzhnaga). Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjency; 28–29 kastychnika 2015 g.; Minsk, Belarus* [The Belarusian language in the 21st century: the main trends of development (to the 80th anniversary of academician A. I. Podluzhny). Materials of the International scientific conference; 2015 October 28–29; Minsk, Belarus]. Minsk: Prava i jekanomika; 2015. p. 290–298. Belarusian.
17. Gavrilova KA. [Conference «Folk linguistics» – the view of native speakers on the language]. *Forum for Anthropology and Culture*. 2013;18:423–443. Russian.
18. Kashkin VB. [Domestic philosophy of language and language contrasts]. In: Kashkin VB, editor. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. Vypusk 3. Aspekty metakommunikativnoi deyatel'nosti* [Theoretical and applied linguistics. Issue 3. Aspects of metacommunicative activity]. Voronezh: Voronezh State Technical University; 2002. p. 4–34. Russian.
19. Goritskaya OS. Spelling variation on the Internet (*Belorusskiy, Belarusskiy and Belaruskij*). *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1: Philology*. 2014;5:106–114. Russian.
20. Zaprudski SN. [Speech accommodation and code switching in the process of intercultural communication: the case of Belarus]. In: Hentschel G, Zaprudski S, editors. *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorisation (Studia Slavica Oldenburgensia–17)*. Oldenburg: BIS-Verlag; 2008. p. 57–97. Belarusian.
21. Slyshkin GG. *Lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov* [Linguistic and cultural concepts of precedent texts]. Moscow: Academia; 2000. 139 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.12.2022.
Received by editorial board 20.12.2022.